

Р. П. Шпакова

ИГРА В КОСТИ, ИЛИ ЗАВТРА БЫЛО ВЧЕРА?

- Не сыграете ли вы на этой дудке?
- Я не умею, мой принц.

Развенчание эпохальных идей, свержение казавшихся незыблемыми принципов и авторитетов, падение Берлинской стены ускорили наступление информационной эры и единение еще недавно разрозненного мира в общем цивилизационном процессе. Современная Россия включается в него, становясь частью объединяющейся Европы, построенной на либеральных и демократических устоях. Определенным знаком такого включения является институционализация социологии, ее превращение в действенную практически-прикладную область и академическую дисциплину, своими средствами призванную помогать превращению России в развитую индустриальную страну европейского образца. В плане функционирования и организации положение социологической науки в России вполне сравнимо с ее положением в ряде лидирующих стран. Как и там, социология в России становится элементом того уровня общественного производства, на котором выполняются познавательные, информационные, управленческие и просветительские функции. Такова картина в самом общем виде. Ответ на вопрос о том, может ли она их выполнять на деле, зависит от качества самой социологии.

По идее, усилиями социологов в большой мере формируются «картины мира», выделяются и анализируются острые проблемы, диагноз которых помогает поиску решения. К обществоведам обращены не только конкретные вопросы о частных ситуациях, но и вопросы о причинах драмы великой страны. Давно назрела необходимость анализа действительно основополагающих процессов, а не мелочей и пустяков. Так, широко разрекламированный опрос десяти женщин и двадцати мужчин из числа депутатов Думы о роли женщин в высших сферах политики — издевка на фоне общей феминизации общества и острейших ее проблем. Провальные прогнозы результатов выборов самого разного уровня давно стали предметом насмешек даже в массовой прессе. Зато принципиальные вопросы бытия и направления развития общества социологию мало занимают. Она так и не смогла стать идеологическим обеспечением построения постсоветского общества, потому что сама как не имела, так и не имеет модели будущего. Нет анализа и сегодняшнего, уже сложившегося мирового порядка — ни капиталистического, ни социалистического. Пока никто из социологов не взялся внятно и четко, без ссылок на пресловутый менталитет, ответить на висящий в воздухе вопрос: почему в Америке демократия возможна, а в России она не получается? Ведь здесь, в России, как и там, в

Шпакова Римма Павловна — доктор философских наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского университета.

Адрес (дом.): 196128. Санкт-Петербург, пр. Чернышевского, д. 9, кв. 53.

Тел.: (812) 296 73 22 (дом.); (812) 110 00 77 (раб.).

Америке, конституцией предусмотрен и баланс ветвей власти, и разделение полномочий, то есть разработанная Мэдисоном и Джефферсоном «система сдержек и противовесов», да и клятвы президентов обеих стран содержат в себе практически одно и то же.

Похоже, что социологи остаются в поле притяжения телевизионных римейков старого быта и жизни. Восемь лет существует государство, которое не только не может работать по своей конституции, но и, соответственно, ни одна серьезная проблема этим государством не решена и решена быть не может. Откровенно ослабели демократические институты, институты гражданского общества. Образовалось общество, далекое от декларировавшегося еще недавно правового государства как первоочередной цели. Политические партии, парламент, экономика в общепринятом смысле и влиянии отсутствуют, есть лишь их имитация. Эти и многие другие реальные факты гораздо прозорливее социологов видят публицисты и много кто еще. К чести наиболее наблюдательных комсомольских функционеров, они еще в 1983 г. отметили угрозу нарождающегося фашизма, смогли выявить его социальную базу, истоки пополнения и т. д., а сегодня, когда движение расплодилось по всей стране, социологи, похоже, его не замечают. Сейчас, когда в России политика превратилась в доходное и циничное ремесло, политический имидж создается обществоведами и продается ими, как выразился известный петербургский социолог Р. С. Могилевский, «по тем же законам, что и йогурт» [1, с. 3]. Вот здесь социологи оказываются одними из первых. «Истину царям с улыбкой говорить» не приходится: социологи к этому особенно не стремятся, да и цари не склонны внимать. Речь идет, в частности, о научной преемственности, об отношении к социологической классике, о реальных возможностях отечественной социологии.

К социальному знанию, как и к науке вообще, отношение в России всегда было настороженным. Вместе с тем в российском обществоведении социологическая наука никогда не была органичной составной частью. Социология — изначально продукт западноевропейского общества, именно его способ осмысления социальной реальности и, одновременно, — объект анализа. Социология возникла вместе с индустриализацией европейского мира как ответ именно на его проблемы, что и отразилось в ее теоретической и прикладной сферах. Ключевые категории — социальное действие, социальный факт, взаимодействие и т. д., методологический инструментарий разработаны в европейской социологической классике второй половины XIX — начала XX вв., в контексте господствовавшей тогда философской и мировоззренческой ситуации. Более того, они и сегодня приняты западной социологией в том общем философском контексте, в котором были разработаны, потому что в основном он остался неизменным.

Например, для современной социологии сегодня бесспорен тезис Огюста Конта о превосходстве Конта над Гегелем (из письма Конта д'Эйхталю от 10 декабря 1824 г. буквально: «Гегель несравненно ниже Конта»); понятие социальной аномии, как показывают современные исследования, в том числе и отечественные, мало продвинулось в своем развитии по сравнению с его пониманием Эмилем Дюркгеймом, а инструментом социального познания неизменно признается идеальный тип, теоретически разработанный Максом Вебером в

соответствующей концепции, хотя и со многими, иногда противоречащими друг другу, коррективами.

Максу Веберу принадлежит ставшее классическим определение социологии как «науки, которая хочет понять и причинно объяснить социальное действие в его течении и проявлениях» [2, S. 1]. Ему же принадлежит, принятое и отечественной социологией тоже, определение предмета социологии как социального действия. Однако ни эти определения, ни их эволюция, ни сама научная деятельность Вебера не ясны без представления о той культурно-исторической толще, в недрах которой он созрел, без представления о бюргерской духовной жизни и ее ценностях, без знания специфики немецкого историзма, его школ в национал-экономии, в юриспруденции, в исторической науке, без знания немецкой философии, идеологии общественных движений, ведущих политических доктрин, даже, в конечном счете, самой истории Германии. Эти категории разрабатывались в конкретном социальном и культурном контексте и с определенной целью, в дискуссиях и противостоянии с иными, сейчас плохо известными теоретическими направлениями, и потому они имеют вполне определенный ракурс и акценты. Но на сегодняшний день категории и явно недостаточны, и нуждаются в изменениях и дополнениях в связи с ростом научного знания и его интернационализацией. Более того, на Западе все сильнее раздается критика в адрес основных категорий Вебера из-за сложности и даже невозможности построения с их помощью целостной концепции общества [см., напр.: 3].

Национальная культура детерминирует основные подходы и частные аспекты. Разумеется, в науке не может быть немецких или американских категорий социального познания — таковые интересны лишь для истории науки. В социальной сфере знания именно национальный колорит определяет выделяемые проблемы, специфику их трактовки, стиль и направленность исследований. «Навязывание национальной специфики в качестве норматива для нынешнего, актуального исследования социальных проблем или в качестве эталона для будущих исследований — вещь опасная, ибо сама эта специфика исторична, а ее абсолютизация лишает историка науки возможности правильно познать присущий ей характер. С другой стороны, внесение искаженных нормативов приведет к некорректности современных теоретических исследований и практических рекомендаций», — отмечает И. А. Голосенко [4, с. 77].

Современный немецкий социолог Х. Абельс недавно предложил российскому читателю статью «Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование» [5]. Абельс относит к романтике «три основные линии развития социологии»: во-первых, социологию Вебера и Зиммеля (позднее сюда примкнули Чикагская школа и Мид), во-вторых, феноменологию Гуссерля и Шюца, в-третьих — этнометодологию Гарфинкеля. К классике Абельс относит традиционный позитивизм. Антитеза классика-романтика, принятая Абельсом с целью классификации направлений в социологии, предстает невнятной, более того, некорректной, если нет четкой исторической отсылки. Но именно она отсутствует в статье. Речь же должна идти о Гете и его (вместе с Шиллером) противопоставлении классического и романтического в поэзии. Гете высказывает свою оценку того и другого в нескольких беседах с Эккерманом, например, в записанном последнем разговоре от 17 октября 1828 г.

Возникает принципиальный вопрос: насколько правомерно введение упомянутой выше антитезы Гете–Шиллера в современную социологию, если не оговариваются условия, допущения, новые акценты такого введения. В мою задачу не входит анализ всей позиции Абельса, но сделанное им отождествление романтического в духе Гете с ведущими направлениями современной социологии (за вычетом позитивизма) едва ли приемлемо.

Общая тенденция — исключения лишь ее подтверждают — складывается таким образом, что отечественные социологи заняты пока лишь усвоением этих направлений западной науки и их пересказом. И тогда отечественный социолог, знакомящийся со статьей Абельса и с подобными сочинениями, рискует заглотить нечто невнятное.

Механическое перенесение в отечественную социологию еще недавно третируемых в советской версии марксизма основных категорий западной социологии означает перенесение вместе с ней многих действительно серьезных научных проблем, а вместе с ними противоречий, псевдопроблем, аспектов, которые некогда были важны, а теперь, возможно, утратили свою актуальность и заменены в западной социологии другими. Так, во времена Вебера дискуссии, которые он вел с марксизмом, с национал-экономистами так называемых исторических школ, Менгером, Штаммлером и др., были существенно осложнены методологическими проблемами обществоведения, выросшими в конкретных обстоятельствах, в частности, под влиянием разразившегося тогда «кризиса в физике», который потребовал осмысления философского содержания понятий, их возможностей и границ в процессе познания. По этой причине многие действительно важные аспекты формирования понятийной структуры социального знания остались вне поля зрения Вебера или были им выделены, но специально не разработаны потому, что цели были другими [6]. То же относится и к категории «социальное действие», которую Вебер рассматривал как ядро, «атом», по его выражению, историко-социального знания. Он намеренно выбирает путь реконструкции категории «понимание» В. Дильтея из-за того, что она находится в резком противоречии с особо значимой для М. Вебера темой объективности социального знания. Он предпринимает и реконструкцию неокантианской контрверзы социального и естественно-научного знания для подтверждения своей мысли о номотетическом характере понятий социальных наук. В результате «понимание», непосредственно связанное с категорией «социальное действие», как и последнее, оказывается обобщенной и усредненной величиной — по словам Вебера, это «средне и приблизительно рассматриваемый смысл» действия [2; 7].

Сегодня этой реконструкции, как и общей трактовки социального действия, данной Вебером, явно недостаточно. Возможность различных интерпретаций этой трактовки, ее «открытость» служат питательной средой для роста ее влияния. Наряду с исходной — веберовской — на Западе возникли формально-позитивистская, неопозитивистская, феноменологическая, функционалистская и другие версии этой категории. Какую же версию избирают отечественные социологи, остается неясным, тем более что действенного применения ими этой категории не замечено. Но предварительно надо было бы получить убедительное доказательство того, что именно Вебер — лидер отечественной социологии, а его категории для нее — абсолютно необходимы. Пока его нет.

Лишенные профессионального контроля, расплодившиеся «самопальные» переводы еще больше запутывают дело, На их корявый язык можно закрыть глаза, но нельзя не споткнуться, например, на превращении усилиями переводчика категории «действие» в «поступок», В переводе других категорий различий еще больше. Идентичность терминов, адекватное прочтение классики — одна из назревших задач.

Есть еще одна сторона вопроса о заимствовании категорий. Вебер и его современные последователи выстраивают логически стройную и по-своему оправданную систему социального познания, связывая методологию социологии с гносеологией Канта и неокантианства. В этом смысле теория социального познания Вебера сопоставима по своей целостности «сверху донизу» с логически стройной и целостной теорией Маркса. Отбросившая в одночасье марксизм и собственные плодотворные разработки в его русле, взявшая на вооружение ключевые категории западной социологии со многими присущими ей сложными проблемами отечественная социология должна тогда определить свои логико-методологические основания и их философскую природу, выяснить связь между реальностью и социологическими понятиями, оценить их познавательные возможности. Вебер, между прочим, выступал против марксизма, но с марксистами он не спорил. Так, основанная на кантианстве концепция идеальных типов Вебера противоречива и не завершена, кроме того она предлагает трактовку образования лишь одного познавательного средства и потому требует продолжения. Его надо искать не только в логике и методологии научного исследования, но и в пограничных областях — в математике, теории информации, в философии. Уместно напомнить, что во времена Вебера разработкой познавательного инструментария социологии занимались и другие теоретики. Можно указать хотя бы на концепцию «нормальных понятий» Ф. Тенниса, ныне привлекающую пристальное внимание западных социологов, но остающуюся неизвестной и потому невостребованной у нас. Есть резон и в обращении к марксистской концепции понятий — ведь пока никто не доказал, что она непригодна.

Важно здесь иметь в виду, что несмотря на общность понятий западной и отечественной социологии, несмотря на общность используемых методик, например, телефонных опросов, применение их к российским реалиям будет иным по содержанию или будет требовать коррекции. Так, конфликты в обществе вызвали необходимость их разработки. Возникли центры, лаборатории, кафедры конфликтологии. Опоздание налицо: они возникли тогда, когда люди сами, путем проб и ошибок находили пути их разрешения. Сама тема в определенной мере заимствована из социологии Вебера, конфронтационной по своей направленности. Разумеется, исследование конфликтов обогащает науку теорией и опытом. Но почерпнутые из западной литературы методики плохо приложимы к отечественным сюжетам. Не только конфликты качественно другие, но и общественные интенции заметно смещаются в сторону диалога и взаимного согласия. Не социологи, а само общество явно обнаруживает стремление к позитивной идеологии, которую и должны были бы они поддержать.

И здесь огромная роль принадлежит мировоззренческим и нравственным позициям исследователей. Определиться с ними — одна из давно назревших, настоятельных задач, решать которую исследователи сегодня всячески избега-

ют с помощью ссылок, например, на недавно открывшийся им и завораживающий их «теоретический мультиплекс». Аллергия на «единственно верный» подход причинила несомненный вред — реализм, исток социологического мышления, оказывается под сомнением пока без права на апелляцию. Но множественность теорий не снимает задачи определения мировоззренческих и нравственных позиций. Без ее решения социолог выступает в роли стороннего наблюдателя, циника или пересмешника. Так, социологи красочно описывали студенческие выступления весной и осенью 1998 г. Но лишь очень немногие подошли к проблеме с точки зрения защиты конституционного права студентов на бесплатное образование и с позиции идеологии развития сферы высшего образования в новых социально-экономических условиях, соответственно, с позиции необходимости реформы высшей школы — сокращения дублирования специальностей в вузах, обновления не только учебных курсов и кадров, но и оборудования и библиотек, что, естественно, приведет к росту затрат и без того нищих бюджетных вузов. То же относится и к выступлениям шахтеров.

Сами западные теоретики уже давно не проводят сравнения теорий, ибо предшествующий опыт такого сравнения оказался бесполезным. Об этом мне пришлось писать еще в 1981 г. Но они критичны по отношению к своим концепциям и новациям, особенно если учесть, что просчеты, некомпетентность в исследуемых областях, трюизмы выводов, банальность рекомендаций, теоретическая беспомощность респектабельных социологических концепций — вещи, хорошо им знакомые. Они не стесняются ставить и обсуждать даже на национальных конгрессах вопросы о том, что такое социология, как она возможна, как вообще возможно социальное знание и познание и т. д. Это вопросы, тождественные основному вопросу философии Канта применительно к сфере социального бытия и проблематике веберовского «наукоучения». Отвечая на них, социология поворачивается к философии и должна, говоря словами немецко-американского социолога Г. Эберляйна, «еще раз с современными средствами пройти путем Канта». По сути, тот комплекс философских вопросов социологического знания, которые разрабатывал в своем «наукоучении» Вебер, сегодня для западной социологии становится все более актуальным. Логически понятна стратегическая линия в области методологии социологии, которую четко выразили авторитетные немецкие социологи во главе с Ф. Тенбруком. Еще на XXII Конгрессе немецких социологов (Дортмунд, 1984 г.) они определили ее как «путь к Веберу», то есть возвращение к ключевым идеям Вебера и поставленным им философско-методологическим проблемам, но реконструированным с учетом современного научного уровня. Об этом же шла речь и на двух последних конгрессах 1994 г. (Галле) и 1998 г. (Фрейбург).

Отечественной социологии, отвергнувшей марксистскую философскую основу социального знания и оставшейся с пустыми руками, взамен, как кажется, ничего не требуется, хотя выбор философских школ и направлений велик. Она остановилась на основных веберовских категориях, часто мешая их с понятиями из других теорий. Зачем, спрашивается, в скромных, скорее историографических, чем социологических диссертациях типа «Социология русского купечества 1890–1918 гг.», «Социология русского студенчества 1860–1980 гг.» и т. п. указывать в качестве методологической базы концепции Вебера, Маркса, Мида, Парсонса, Шютца и др.? Ведь их можно связать лишь насильствен-

ным путем. Как будто об авторах таких диссертаций сказал М. Бурдые: «Они видят в наследии сокровище, которое они созерцают, которому они поклоняются, которое они чувствуют, тем самым повышая собственную значимость... как капитал, предназначенный для выставления напоказ» [8, с. 51]. Завороженное, сродни религиозному, отношение к классике заменяет практически-прагматическое отношение к авторам и текстам. Стремления идти дальше, «на глубину» не замечено. И тогда надо принять, что марксизм вернется, чтобы отомстить и за предательство, и за затяжную паузу в определении собственных позиций, и чтобы заполнить пустоту.

Одно время представлялось, что выбор сделан в пользу русской дореволюционной социологии. Сегодня ею занимается лишь узкий слой профессионалов. Разочарование наступило быстро. Это понятно: не просто время изменилось, ушли эпохи со своей тематикой науки и стилем социологизирования. Контекст современной реальности, современной науки иной, и потому возвращение к «истокам» сомнительно. Уже само понятие «истоков» аморфно и противоречиво, тем более что давно истреблена историческая память, вырваны ее звенья. Настаивающие на возвращении к «истокам» делают вид, что существует прямая преемственность между народом России конца XIX века и ее народом век спустя — в конце XX века. Они забывают о том, что свое разрушительное воздействие оказали две мировые войны, гражданская война, революции самой разной природы. Репрессии, депортации, мощные миграционные процессы, следствием которых были перемещения огромных масс людей (великие стройки, крупные месторождения, освоение новых районов, целина и т. п.), усугубляли это воздействие, а политизированные меры по созданию «новой исторической общности людей — советского народа» действительно создали особую новую общность, которая будет существовать еще долго. Цементировать ее будут общие страхи, общие представления о врагах, единые предпочтения и т. п. Историческое прошлое России к современному ее населению имеет мало отношения.

Однако есть процессы, которые вполне допускают сравнение не только между эпохами, историческими этапами развития одной страны, но и позволяют провести аналогии и обнаружить возможность плодотворного сопоставления научных концепций, описывающих эти процессы, на Западе и в России. Речь идет, в частности, о капитализме, его генезисе, тенденциях эволюции. Ю. Н. Давыдов показал образец такого сравнения, проводя параллели между воззрениями М. Вебера и С. Булгакова в статье «Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая этика)» [7], М. Вебера и П. Струве в фундаментальном исследовании «История теоретической социологии» [9]. Он справедливо полагает, что С. Булгаков — пока недооцененная фигура русской науки и культуры. Можно добавить, что таких фигур в русской науке много. Опираясь на труды Вебера, Давыдов дает показательный во всех отношениях анализ современного варианта капитализма, который складывается ныне в России [10], и предлагает всем достойный урок обращения с классикой.

Отношение к социологической классике в отечественной науке складывается непросто хотя бы потому, что классика у нас понимается по-разному, но в целом это понимание дрейфует между хорошо нам знакомой догматизацией и релятивизмом. При желании можно в ней видеть необходимый словарь, без

усвоения которого движение вперед невозможно, можно видеть в ней, далее, некие «истории» и «персоналии» или «истории персоналий», поверхностного знакомства с которыми вполне достаточно, особенно для проведения оперативных зондажей, вычисления разного рода рейтингов и т. д., а можно выбирать, «назначать» в классики, ориентируясь на свой вкус и потребности. Так, читающий курс истории современной социологии в Московском университете Н. Е. Покровский, автор серьезных публикаций, пишет в статье «Классики современной теоретической социологии»: «Прежде всего спрашивают: почему "классики"? На каком основании вы включаете того или иного социолога в число "классиков"? Действительно, титул "классика" сугубо условен. Но, с другой стороны, все включенные в курс персоналии, на мой взгляд, могут являть собой не только выдающиеся теоретические достижения, но некую синкретичность социологического мировоззрения, следование принципам науки, преданность высоким профессиональным нормам. Почему же в таком случае их не назвать "классиками", даже если речь идет о ныне здравствующих социологах?» [11, с. 21]. И тогда состав классиков можно начать с Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера, которые начинают, по мысли Н. Е. Покровского, формирование классической социологии [11, с. 23]. А дальше — Р. Парк, Г. Мид, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Сорокин, А. Шюц, Э. Тириахьян, Т. Адорно, Э. Фромм, Р. Миллс, Б. Скиннер, Д. Нэбитт. Галерея классиков исчерпана. Наши современники, например, Бурдьё, в нее не попали, как не попал в нее ныне причисляемый в западной социологии к классикам Элиас. Галерея завершается подведением итогов и контуром будущего в теме «Современная западная социология на пороге XXI века»; цель финальной главы — нарисовать «перспективы самой гуманной из социально-гуманитарных наук» [11, с. 27].

Но, как говорят в театральных кругах, кассовый актер и заслуженный актер — не одно и то же. Субъективное причисление к классикам и причисление к ним научным сообществом — тоже разные вещи, хотя с оценками научного сообщества все обстоит не просто. Пример Огюста Конта здесь показателен.

Вопрос о социологической классике обсуждается и на Западе. Вместе с классикой и вопреки ей — вот кредо современной западной социологии в ее отношении к наследию, выраженное М. Бурдьё [8, с. 80]. Объективности ради надо сказать, что это достаточно простая мысль, заключенная в старой французской мудрости: продолжить — значит обновить. Но она предпочтительнее других, более простых способов обращения с классикой — забыть или отбросить.

Профессор Х. Кортэ, читающий ныне курс истории социологии в Гамбургском университете, считает: «В самой дисциплине существует единство относительно того, кто принадлежит к классикам социологии. Если рассматривать структуру социологии с различных точек зрения, то повторяющиеся фигуры и будут классиками. Их значение интернационально» [12, с. 15]. Классики персонализируют ведущие научные направления. Классические труды являются непрерывным импульсом в последующем развитии Для других исследователей. Можно добавить, что классика, в отличие от авангарда, никогда ничего принципиально нового не создает. Разве Огюст Конт предложил нечто принципиально радикальное по сравнению с Сен-Симоном? Об этом свойстве классики в императивной форме писал отечественный философ А. Ф. Лосев: «Классика

должна быть умеренной, Не увлекаться в стороны, глубокой, но в меру. Классика славится общепонятностью, отсутствием излишних увлечений» [13, с. 20]. Классика — это не только инопонятие научной дисциплины, ее главных направлений, но и выход за пределы самой дисциплины, имеющий значение для других областей науки и культуры в целом. Иллюстрацией к этой важной характеристике служат Конт, Маркс, Вебер, Зиммель, Парсонс. Влиятельный немецкий историк социологии Рамшtedт, уверенно причисляющий к классикам социологии Дюркгейма, Вебера и Зиммеля, в специальной статье аргументирует свой выбор тем, что именно эти мыслители смогли разработать и по сей день непревзойденные «образцовые теоретические конструкции». «Всякий новый теоретический проект в социологии теперь вынужден равняться на них... Но если оставить в стороне теоретические конструкции, сегодняшних социологов связывают с Зиммелем, Дюркгеймом и Вебером прежде всего основные предпосылки. Именно эти предпосылки и позволяют понять, почему их теоретические конструкции должны казаться неподвластными времени» [14, с. 54]. На эти предпосылки, как на мощную корневую систему, опираются и современные западные теоретики.

Разумеется, дело не в именах — к приведенным выше было бы необходимым добавить имя Маркса и не только его, — а в самой сути относимого к классике явления. Она ясно выражена, правда, применительно к философии, С. Л. Рубинштейном: «...когда мысль входит в мир, то бытие в своем отношении к ней должно выявить новые, доселе сокровенные, но наиболее основные в своей значимости черты» [15, с. 459]. Она преобразует и автора, и того, кто обращается к этой мысли. А это означает, что классика, подобно корневой системе, — явление прочное и вместе с тем относительное, опираясь и отталкиваясь от нее движется научная мысль. Ее судьба — оставаться, будучи превзойденной. Она сама провоцирует возможность новых ее интерпретаций, так как содержит то, что скрыто от глаз современников и что «является» другим поколениям. В поле притяжения классики формируются новые направления, контрнаправления, она определяет и стиль движения.

Тем важнее становится задача усвоения социологической классики. Но сегодня работы по фундаментальным проблемам социально-исторического знания в России — редкость. Поздняя институционализация, ничтожное число профессиональных социологов, кафедр и факультетов для такой огромной страны, как Россия, исчезающе малое количество профессиональных журналов — все это усугубляет трудности усвоения классики. Ее адаптация в отечественной среде станет, вероятно, затяжным процессом. При самом благоприятном его течении отечественная теоретическая социология все равно будет позади западной. Причины опоздания надо искать и в особенностях культурно-политического климата страны. Легко можно вспомнить, что когда на Западе обсуждались острые проблемы феноменологической социологии, экзистенциализма или критической социологии франкфуртцев, мы видели во всем этом свидетельство кризиса и разложения буржуазной идеологии и заполняли библиотеки плотными томами о преимуществах советского образа жизни; когда там ставились практические вопросы защиты окружающей среды, мы с усердием доказывали преимущества научно-технической революции вкупе с социализмом. Другие острые и актуальные культурно-философские, этические и

политические проблемы, будоражившие мир, нас не коснулись. Дискуссии западных и отечественных теоретиков напоминали разговор глухих. Инерция такого стиля научной деятельности сильна и по сей день. Не удивителен низкий авторитет российской социологии, ее по преимуществу комментаторский характер, а потому ее вторичность по отношению к науке Запада. Не секрет и ее зависимость от государственных дотаций и казны, которая нынче пуста. Что можно ожидать от изначально лишенной систематической школы науки, которая, подобно ростку в изоляции, вне общего опыления и развития, писала лишь функциональные тексты, а позже, с конца 1980-х, ставила себя в оппозицию и прямое противопоставление своим предшественникам. Так, условно говоря, если Ленин был против Михайловского, то она настойчиво выступает «за» и т. п. Вместе с тем, боясь показаться немодной, она повторяет аргументы идеологов постмодернизма. Плюрализм, который ею подчеркивается как великое достижение, прикрывает отсутствие собственной платформы: и принципиальное безразличие к любой из существующих. Уже изначально ясно, что отечественный плюрализм принимает все, превращаясь тем самым, в крайне сомнительное всепримятие. Социология опять (после 1960-х, начала 1970-х гг.) «возрождается», а, по сути, повторяет плохо понимаемое из пройденного другими. Завтра было вчера?

Вероятно, это неизбежные фазы роста» однако неизвестно, как долго они продлятся. Изначально надо прояснить для себя, что же мы хотим от социологии и что можно ожидать от своей социологии, приняв во внимание ее реальный потенциал. От эмпирии уже заметна общая усталость. Но можно было бы провести глубокий анализ существующих в мировой науке теоретических доктрин, детально рассмотреть их границы и возможности. Здесь нужна кропотливая, обстоятельная работа, смысл которой сводится к нескольким процедурам. Прежде всего, это «инвентаризация», то есть выяснение имеющегося наследия и современных доктрин, в том числе анализ собственных научных и философско-мировоззренческих позиций, во-вторых, аналитическая рефлексия, то есть анализ методологических и теоретических возможностей доктрин и шансов использования их сегодня, в третьих, ревизия — критическая процедура как аналог того, что в свое время проделал Эдуард Бернштейн по отношению к марксизму. Конечным результатом должна стать реконструкция социологической теории или теорий. Критика есть одна из процедур нормального развития науки — из дискуссий, разногласий между отдельными идеями, школами, направлениями и т. п. вытекает динамика научного знания. Другое дело, что все они прямо или косвенно связаны с общим — классическим — основанием. Отказ от него может дать лишь кратковременный успех ценой прагматической облегченности. Ревизия также есть общепринятая научная процедура, которая в свою очередь может быть подвергнута критике, — не гонениям. Игнорирование ее таит в себе угрозу догматизации науки, превращение ее в вероучение, ставит барьер научной реконструкции, а по сути, дальнейшему развитию науки в целом.

Можно пойти и другим путем, опираясь на жанры, в которых отечественная общественная мысль традиционно сильна и полезна, хотя сейчас они остаются невостребованными. Речь идет, например, о серьезных аналитических описаниях — так называемых «физиологических очерках». Альманах под на-

званием «Физиология Петербурга» впервые вышел больше чем 150 лет тому назад. Российская общественность, а не только узкий профессиональный слой, узнавали из них существенные вещи о внешне привычной и непритязательной жизни человека, города. Авторами исследования были талантливые литераторы и публицисты В. Даль, Д. Григорович, И. Панаев, В. Белинский, Н. Некрасов. Этот сборник очерков дал обзор социальных типов и групп не только столицы, но и России в целом. Публицисты, специализировавшиеся на проблемах физиологии общества, были лучшими диагностами и учителями своего времени. Их влияние было связано с колоссальным значением слова в России. Можно сказать, что в России роль социологии играла литература. Одновременно она выполняла функции научения высшим ценностям жизни. Так, за свою печатавшуюся преимущественно в газетах исследовательскую публицистику В. Короленко был признан «совестью России 90-х годов». Важно здесь напомнить мысль Н. И. Кареева, который доподлинно знал ситуацию в российской социологии и потому имел основания утверждать, что «русская социологическая литература возникла в недрах передовой журналистики и только в последующем десятилетии у социологии явились сторонники среди университетских ученых» [16, с. 180].

Сам жанр очерка-исследования, адресованного широкой аудитории, нашел свое продолжение лишь с 1960–1970-х гг. нашего века. Не случайно читающая публика особенно пристально следила за публикациями мелким шрифтом в конце «толстых» журналов. Так, в 1960-х гг. сенсацией стало появление в «Новом мире» статьи И. Кона о националистических предрассудках, их природе и динамике. Неизменно привлекали внимание статьи социолога Л. Кузнецовой на темы, о которых мало кто задумывался, например, о внутренней структуре и жизни рабочих общежитий крупных городов — ведь в них выросло не одно поколение советских людей, да и сегодня число общежитий велико. Со второй половины 1980-х гг., на заре перестройки, жанр научной публицистики, казалось, снова возродился, но быстро заглох. Ныне появились новые социальные явления, типы и события, собран огромный эмпирический материал. Их нравственно и политически заостренный анализ, сделанный социологами и предназначенный для все еще читающей публики, стал бы не просто продолжением великой традиции, но и послужил бы целям воспитания и просвещения общества, его самопознания и критической рефлексии. Вот сможем ли...

Литература

1. Имидж продается не хуже йогурта // Час пик. 1998. N 29. 29 июля.
2. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tuebingen, 1972.
3. Тюрель Х. Социология Макса Вебера — социология без «общества» // Макс Вебер. прочитанный сегодня / Под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
4. Голосенко И. А. Универсальное и национальное в немарксистской социологии // Социологические исследования. 1981. № 4.
5. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социологическое исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 1.
6. Шпакова Р.П. Проблемы социального познания в концепции идеальных типов Макса Вебера // Вопросы философии. 1984. № 5.

7. Давыдов Ю. Н. Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая этика) // Вопросы философии. 1994. № 2.
8. Бурдьё П. Начала. Москва: Socio-Logos, 1994.
9. Korte H. Einführung in die Geschichte der Soziologie. Koeln: Opladen, 1993.
10. Рубинштейн С. Л. Избранные философско-социологические труды. М.: Наука, 1997.
11. Давыдов Ю. Н. Веберовская концепция капитализма // Макс Вебер, прочитанный сегодня. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
12. Покровский Н. Е. Классики современной теоретической социологии // Социологические исследования. 1993. № 6.
13. История теоретической социологии. Т. 2. М.: Канон, 1998.
14. Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. М.: Наука, 1990.
15. Rammstedt O. Umgang mit Klassikern // Soziologische Revue. 1995. № 3.
16. Кареев Н. И. Основы русской социологии // Социологические исследования. 1985. № 3.